

ПОНЯТИЕ НОРМЫ ДЕЛОВОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ ТЕОРИИ ВАРЬИРОВАНИЯ

Рассматривается проблема взаимообусловленности феноменов варьирования и языковой нормы. Теоретическое решение вопроса осуществлено на материале сибирской деловой письменности XVII в.

В истории Российского государства XVII в. занимает особое место, т.к. это период сложения русской нации, когда начался длительный процесс формирования национального языка. Существенной характеристикой данного этапа в истории языка было взаимодействие нескольких составляющих: разговорной речи, литературно-книжного языка и актовой деловой письменности. Многие ведущие ученые отводят приказному письму главенствующую роль в сложении русского литературного языка, т.к. формирование русской нации, обуславливавшее развитие языка, «происходило в более важной сфере разносторонних деловых отношений» [1. С. 111].

Как утверждает А.П. Майоров, исследования делового языка XVI–XVII вв. «строго дифференцируются по объекту изучения: одни ученые сосредоточивают внимание на исследовании языка книжных памятников, другие – на анализе разговорных средств в памятниках деловой письменности» [2. С. 9]. В меньшей степени изученным является вопрос о нормализации делового языка и отражении в нём черт, присущих разным языковым стилям, поэтому его решение представляется актуальным.

Теория нормы интенсивно разрабатывается в послесоюзный период. Появляется диктуемая концепцией системного характера языка интерес к норме как языковому понятию. Диалектичная природа этого феномена неоднократно отмечалась исследователями: норма одновременно статична и динамична [3. С. 120]. Такое свойство обеспечивает существование двусторонней зависимости между нормой и варьированием: если характер вариантности определяет специфику норм языка, то именно норма устанавливает число и типы допустимых вариантов, а также регулирует их употребление [4. С. 49]. Неоднозначность взаимоотношений варьирования и нормы вызывает необходимость динамического, временного анализа соотношения вариантов, являющегося главным аспектом их нормативной характеристики.

Бесспорно, уровень нормы (наряду с уровнем системы) является одним из составляющих цельной структуры языка. В речи или процессе реализуются одновременно системное и нормативное, где норма предстает как материальная форма существования и функционирования системной единицы. Подобный взгляд на природу нормы согласуется с положением о её диалектичности. Поэтому следует заметить, что логическая взаимосвязь системы и нормы в диахронической лингвистике служит основой для адекватного объяснения эволюции языковых фактов.

Разработка понятия нормы содействовала, с одной стороны, разграничению уровней системы и её реализаций и, с другой стороны, появлению понятий *норма системы* (характеризуется обязательностью и недопустимостью вариантов) и *норма структуры* (допускает нарушения, которые являются следствием заполнения *пустых клеток* системы). Это позволило подойти к

построению типологии норм. В лингвистике широко распространена (и теоретически и практически необходима) «классификация норм по отнесенности их к различным уровням языковой иерархии» (фонетические, грамматические и т.д.), хотя она по отношению к нормам «является не внутренней, а внешней» [5. С. 380]. На наш взгляд, подобный подход наиболее приемлем в диахронных исследованиях, прослеживающих развитие системы языка на разных уровнях, поскольку позволяет установить связь между конкретными явлениями (графики, орфографии, морфологии, лексики и т.п.) и общеязыковыми тенденциями.

Ф.П. Филин выделял широкое и узкое толкование понятия нормы. Первое заключается в том, что сам язык есть норма. Норма как более узкое понятие вырастает на базе взаимодействия внутриязыковых и внешних воздействий, в этом случае «основой является осознанное или интуитивное осмысление того, что в самой языковой единице является более или менее предпочтительным, образцовым или необразцовым, обязательным или необязательным» [6. С. 7]. Оба эти понимания нормы соотносятся с высказыванием о норме и узусе К.С. Горбачевича, склонявшегося к тому, что «норма – это отражение узуса», правило, которое объективировано реальной речевой практикой и отражает закономерности языковой системы и её развития [7. С. 45–46].

Таким образом, следует говорить о закономерности связи «система – норма – узус», суть которой заключается в следующем: узус создает условия для воплощения системы, а норма представляет собой устойчивые реализации, закрепившиеся в результате общественно-речевой практики. Именно такой принцип сложения нормы демонстрирует история русского языка. Как отмечал С.И. Котков, изначально норма в деловой письменности «определялась практически – устойчивостью употребления, являлась узусальной и расходилась с нормативностью произведений церковно-славянской книжности» [1. С. 110].

В настоящее время можно назвать ряд работ, посвященных изучению формирования нормы в деловом языке XVII в. (Т.В. Кортова [8], М.Л. Ремнева [9] и др.). Все они, за редким исключением, основаны на источниках Центральной России и затрагивают чаще всего вопросы лексического состава и стилистики документов. Сибирские памятники делового письма, в большом количестве представленные в государственных архивах и содержащие богатый материал, который репрезентирует все языковые уровни, изучены мало. Создание же полной истории русского языка невозможно без учета региональных данных, как невозможно и развитие исторической диалектологии без вовлечения в научный оборот местных рукописных деловых памятников [10. С. 37].

Безусловно, «равнение местных грамотеев на образцы московского делопроизводства прослеживается в

их писцовой практике вполне определено» [1. С. 111]. Однако мнение Т.В. Кортава о том, что если в документах XVI в. еще проявляются «местные традиции, то тексты XVII в. обнаруживают единую систему норм» [8. С. 84], представляется излишне категоричным. Приказное письмо Сибири XVII в. всё же имеет свои особенности. Характер сибирской деловой письменности обусловлен несколькими факторами: ограниченным составом писцов-профессионалов, довольно высоким уровнем грамотности населения и привлечением к делопроизводительной деятельности представителей разных сословий [11. С. 79]. Все это способствовало тому, что в документах, создаваемых периферийными писцами, нередко были отступления от шаблонов центральных канцелярий.

Явление варьирования как отражение процесса сложения нормы деловой письменности рассмотрено в статье на материале таможенных книг городов Томска и Кузнецка. Рукопись таможенных книг Томского города состоит из пяти частей (первые две части: сентябрь 1624 г. – сентябрь 1625 г.; три последующие: март – август 1627 г.) [12]. По данным археографов, 1-я и 2-я части книг написаны одним почерком, 3–5-я – другим, что дает основания исследовать варьирование в практике двух подъячих и проследить его тенденции на одном синхронном срезе.

Обе части таможенной книги города Кузнецка (1696–1697 гг.) [13] написаны одним почерком, что делает допустимым исследование явления варьирования, а на основании сравнения регулярности употребления того или иного варианта написания с аналогичными данными томских книг позволяет сделать выводы о закономерности сложения грамматических норм приказного языка, которые нашли реализацию в практике нескольких писцов.

Рассмотрим процесс формирования грамматической нормы местоименного склонения.

Целый ряд местоименных падежных форм в языке старорусского периода допускал наличие вариантных написаний, однако писцы томских таможенных книг демонстрируют явное пристрастие к одному варианту. Например, в формах именительного падежа единственного числа мужского рода употребляется окончание *-ой/-ей*: *кафтан крашениной холодной* [12. Ч. 1. С. 13 об.], *казанской татарин* [12. Ч. 2. С. 31 об.], *богоявленской пономар* [12. Ч. 3. С. 3 об.]; *гулящей члвкъ* [12. Ч. 2. С. 73; Ч. 5. С. 49 об.], *пешей казак* [12. Ч. 2. С. 45] и др.

Именительный, винительный падежи множественного числа мужского и женского родов характеризуются повсеместным написанием с флексией *-ые/-ие*, которые не отражают родовых различий: *книги таможенные* [12. Ч. 2. С. 27; Ч. 3. С. 1; Ч. 4. С. 9; Ч. 5. С. 32], *семеры гужы моржевые* [12. Ч. 1. С. 4 об.], *четыре полы кониные бѢлые* [12. Ч. 2. С. 77 об.]; *ноги задние бѢлы* [12. Ч. 4. С. 25 об.], *отѢжце пошлны* [12. Ч. 2. С. 27; Ч. 5. С. 47] и др.

Эти и предыдущие примеры окончаний местоименного склонения указывают на то, что у писцов уже выработано написание данных форм, т.е. существует устоявшаяся грамматическая норма.

В дательном и в творительном падежах во множественном числе наблюдается употребление окончаний,

аналогичных современным: *продал скотину промышленным* [12. Ч. 1. С. 30 об.], *с хлѢба помѢрным денгамъ* [12. Ч. 3. С. 1] – в дательном падеже; *с аглинским покровми* [12. Ч. 1. С. 5 об.] – в творительном. Однако в томском источнике зафиксировано лишь несколько употреблений этих падежных форм, формы в местном падеже множественного числа местоименного склонения отсутствуют вовсе. Соответственно, это не позволяет говорить о предпочтительности данных форм по сравнению с другими и, следовательно, о степени их нормированности.

Разночтения в парадигме местоименного склонения подъячих наблюдаются в формах родительного падежа единственного числа мужского и женского родов. Родительный падеж единственного числа женского рода представлен следующими параллельными окончаниями: *-ые/-ие* и *-ой/-ей*: *девят аршынь полуаглини лазоревые меньшие земли* [12. Ч. 1. С. 5 об.], *явил полкожы красные* [12. Ч. 2. С. 69 об.]; *стопа бумаги пицце* [12. Ч. 1. С. 7 об.], *собрано с мяхкие рухляди* [12. Ч. 2. С. 27; Ч. 4. С. 28] и др. – *летчины лазоревой доброй* [12. Ч. 1. С. 1], *оброчной рыбы* [12. Ч. 5. С. 44], *отѢжей пошлны* [12. Ч. 4. С. 28; Ч. 5. С. 40] и др. Оба окончания употребляются как под ударением, так и в заударной позиции.

Сравним количество написаний с этими флексиями у первого и второго писца. Так, у автора первых двух частей *-ые/-ие* встречается 118 раз, тогда как *-ой/-ей* – 7, второй подъячий *-ые/-ие* употребляет 14 раз, а формы с окончаниями *-ой/-ей* зафиксированы в 9 случаях. Подобное соотношение написаний говорит о предпочтении подъячими в этом падеже флексии *-ые/-ие* (русифицированной версии старославянской флексии *-ья/-ия*). Поскольку такой вариант окончания был традиционным, то можно говорить о следовании устоявшимся нормам.

Принципиально иную ситуацию в пристрастии к традиционным формам можно наблюдать в написании определений в родительном падеже мужского и среднего рода в единственном числе, которое диктуется скорее особенностями произношения подъячих. Взаимовлиянием церковно-славянских норм и некоторых фонетических особенностей в выучке писцов, видимо, объясняется и то, что данные формы подвержены наибольшему варьированию во всех частях книги: так, 1, 2-я книги: *-ово(а)/-ево* (239) // *-аго/-яго* (13) // *-ого/-его* (3); в книгах 3–5-й: *-ово(а)/-ево* (123) // *-аго/-яго* (8) // *-ого/-его* (4).

Анализ количественных данных демонстрирует, что оба писца отдают предпочтение формам с *-ово(а)/-ево*: 1, 2-я книги – *сукна сермяжново* [12. Ч. 1. С. 5 об.], *роговово взято* [12. Ч. 2. С. 36], *товару русково* [12. Ч. 2. С. 45], *з гуляцево* (15 раз), *холсту середнево* [12. Ч. 2. С. 79] и др.; книги 3–5-я – *Томсково города* [12. Ч. 3. С. 1; Ч. 4. С. 9; Ч. 5. С. 32], *с русково товару* [12. Ч. 5. С. 36], *сукна бѢлово ярославсково* [12. Ч. 5. С. 42], *масла стикидарново* [12. Ч. 5. С. 46 об.] и др. Это, скорее всего, закономерный процесс, если учесть мнение исследователей о том, что с XVII в. такое написание становится нормой делового письма.

Формы на *-аго/-яго* представлены следующими вариантами: 1, 2-я книги – *настрафилю лазореваго добраго* [12. Ч. 1. С. 12], *мѢлкаго збору* [12. Ч. 2. С. 27],

Тюменскаго города [12. Ч. 2. С. 46 об.] и др.; 3–5-я книги – *мелкаго збору* [12. Ч. 4. С. 28; Ч. 5. С. 32, 40, 47 об., 52 – 2 раза], *холсту середняго* [12. Ч. 5. С. 42 об., 46 об.]. Окончание -ого/-его, ставшее впоследствии орфографической нормой для форм родительного падежа единственного числа мужского и среднего родов, встречается только в семи случаях (три раза в первых двух книгах и четыре в других трех): 1, 2-я книги – *посылошиного товару* [12. Ч. 1. С. 6], *Тюменскаго города* [12. Ч. 2. С. 39], *полот свиного мяса* [12. Ч. 2. С. 49 об.]; 3–5-я книги – *мяса свиного* [12. С. 5, 45, 46, 46 об., 47 об.].

Несложно заметить, что предпочтения писцов при написании различных форм местоименного склонения абсолютно идентичны. Это может объясняться тем, что процессы, происходившие в приказном языке первой трети XVII в., носили общерусский характер и в одинаковой степени повлияли на навыки правописания двух разных подъячих. А возможно, все пять частей книг написаны одним человеком, и в определении почерка произошла ошибка археографов, которая могла быть вызвана сменой пера автором, качеством бумаги и чернил, что способствовало изменению начертаний тех или иных букв.

Для получения объективных результатов исследования в качестве сопоставительного материала рассмотрена местоименная парадигма Кузнецкой таможенной книги. Как и в томских книгах, в форме мужского рода именительного падежа единственного числа в ней представлена только флексия -ой/-ей: *конной казак* (10 раз), *черной калмак* (4 раза), *торговой человек* (2 раза) и др. – *казачей сын* (21 раз), *пешей казак* (12 раз), *приБзжей бухаретенин* и др.

Единообразие окончаний наблюдается и в родительном падеже единственного числа женского рода: *десятой пошлины* (15 раз), *разной покупки* (12 раз), *привозной соленой рыбы* (11 раз), *черной икры* (2 раза) и др. – *свБзжей рыбы* (4 раза). Однако это кардинально отличается от данных томского памятника первой трети XVII в., в котором превалировали формы на -ье/-ие, а употребление форм с -ой/-ей было единичным. Подобная ситуация позволяет говорить, что к концу XVII в. уже устоялось написание данной падежной формы.

В отличие от томских книг в местоименной парадигме кузнецкого памятника обнаружены параллели у форм именительного и винительного падежей множественного числа, которые представлены вариантными окончаниями -ье/-ие и -ья/-ия, причем они, как и в предыдущей книге, не отражают родовых различий: *пашенные крестьяне* (2 раза), *лисицы вешные* (2 раза), *явленные свои соболи* (2 раза), *зборные деньги*, *три половинки анбурские*, *соболи промышленные і бухарские соболи* и др. – *на тБ явленья свои деньги* (3 раза), *тБ деньги зборные* (3 раза), *на товарные на явленья денги*, *пБшия казаки* и др. Особо следует отметить такие примеры: *соболишка осталья на гостинБ дворБ явленые*, *остальные свои соболи явленья*. Количественное соотношение окончаний (37 и 24 соответственно) говорит о тяготении подъячего Кузнецка к первой флексии, а томскими писцами она используется как единственно возможная. Именно эта форма получит, как известно, свое дальнейшее распространение и последующее закрепление в нормах русского языка.

В кузнецком источнике в дательном и местном падежах во множественном числе демонстрируют устойчивость формы на -ым /-им и -ых/-их соответственно: *новоустановымь статьямь* (34 раза), *тоболскимь служивымь людемь* (10 раз), *в разных числах* (9 раз), *в разных мцах* (2 раза). В творительном падеже наблюдается конкуренция окончаний -ыми/-ими (исконная) и -ыма/-има (заимствовано из дв. числа): *разными статьями* (7 раз), *неполными десятки* (3 раза), *с товарыши своими* (16 раз) – *с товарыши(ы) своима* (9 раз). Преобладание в этом падеже форм с -ыми/-ими дает основания утверждать, что именно оно является для писца основным. Таким образом, в материале исследуемого памятника отразилась общая языковая тенденция унификации системы местоименного склонения во множественном числе.

Наибольшему варьированию в кузнецкой таможенной книге подвержены местоименные окончания определений в родительном падеже мужского и среднего родов единственного числа: -ого/-его (-Бго) (187), -ого/-его (59), -ого (64), -ого (41) // -аго/-яго (160), -аго/-яго (41) // -ово/-ево (2), -ево (1). Эти варианты и графические, и грамматические одновременно, например: окончания -ого/-ого/-ого/-ого или -аго/-аго – графические модификации, -ого//аго – морфологические, а реализация флексий с [в] или [г] – произносительные факты. Наши подсчеты показывают, что писец отдает предпочтение окончанию -ого/-его и их формальным параллелям -ого, -ого, -ого/-его, -Бго (всего 286 случаев употребления): *таможенного доходу* [13. С. 5 об.], *с купленного ево коня пошириного* [13. С. 15 об.], *с привозного ево русского товару* [13. С. 25], *с лесного соболного промыслу* [13. С. 20 об.], *сукна сермяжного* [13. С. 48 об.], *руского товару* [13. С. 110 об.], *с купленного ево коня пошириного* [13. С. 10], *мБла простого* [13. С. 25 об.], *сукна сермяжного* [13. С. 94 об.], *пошириного взято* [13. С. 2 об.], *соболенного промыслу* [13. С. 18 об.], *своего купленного парня* [13. С. 77] и др. Варианты написания с -его (-Бго)/-его: *пБшего казака* [13. С. 37], *нынешнего-се году* [13. С. 97 об.], *меновБго коня* [13. С. 2 об.], *с приБзжего члвка* [13. С. 14 об.], *нынешнего ж се-году* [13. С. 98, 103 об.]. Очевидно, тяготение автора к форме -ого/-его указывает на постепенное сложение новых грамматических и орфографических норм, которые в томской таможенной книге только намечались.

Форм с окончаниями -аго/-яго, -аго/-яго в два раза меньше (143 употребления): *всякаго мБлкаго доходу* [13. С. 1], *с перваго числа генваря* [13. С. 15], *по указу великаго гсдря* [13. С. 60 об.], *торговаго члвка* [13. С. 96] и др. – *нынБшняго въ сд году* [13. С. 10 об., 25, 99], *холста средняго* [13. С. 23 об.]; *таможеннаго збору* [13. С. 1], *с приБзжаго торговаго члвка* [13. С. 25], *збору великаго гсдря* [13. С. 48], *тБ соболи вышписаннаго* [13. С. 111 об.] и др. – *нынБшняго ж се году* [13. С. 105 об.]. Несмотря на то что эти флексии находятся не под ударением, нет оснований считать подобные написания отражением акающего произношения подъячего, т.к. в тексте нет других значимых аргументов, подтверждающих указанный тип безударного вокализма после твердого согласного. Скорее, наличие данных форм следует рассматривать как проявление тенденции к соблюдению традиций церковно-славянского письма.

В таможенной книге Кузнецка встретилось всего три написания с -ово/-ево(о): *с куплен^{ово} ево бычка* [13. С. 57], *продал луче^{во} коня* [13. С. 15 об.], *на же-ребыца на рыже^{во}* [13. С. 2 об.].

Разнообразие форм окончаний родительного падежа в кузнецкой рукописи является результатом взаимодействия целого ряда факторов: произношения, выучки писца и письменной традиции. То же самое можно сказать и относительно томского памятника, в котором, однако, в большей степени отразился звуковой тип письма. Очевидно, что за период, который разделяет исследуемые памятники во времени, в местоименной парадигме произошли значительные изменения, вызванные развитием языковой системы старорусского периода.

Итак, проанализированный нами материал указывает на то, что в местной деловой письменности как в первой, так и в последней трети XVII в. сложение грамматических норм местоименного склонения не являлось однородным. Тем не менее, в этом процессе отчетливо прослеживаются тенденции общерусского характера. К их числу относится стремление системы к выравниванию в единой парадигме, проявившееся в наших сибирских источниках. Многие падежные формы в единственном и множественном числе не имеют вариантов окончаний: в единственном числе в именительном и винительном падежах мужского и женского родов, в книге Кузнецка – формы в родительном падеже женского рода; во множественном числе в томских и в кузнецкой книгах – формы в дательном падеже, в томских – в именительном и винительном, творительных падежах, в кузнецкой книге – в местном падеже. Ре-

гиональная же специфика отразилась, прежде всего, в следовании церковно-славянским традициям в написании отдельных форм (в родительном падеже единственного числа мужского и среднего родов – в томском и кузнецком документах, в родительном падеже единственного числа женского рода – в томских книгах), что свидетельствует о некоторой консервативности системы делового письма Сибири.

Таким образом, введение в научный оборот новых источников (как жанра таможенной книги, так и документов иной жанровой принадлежности), созданных на территории Сибири XVII в., а также рассмотрение варьирования на других языковых уровнях [14, 15] позволяет дополнить общее видение системы языка XVII в. и установить пути и тенденции в развитии норм деловой письменности.

Анализ формирования нормы может стать самостоятельным исследованием. Например, при изучении единства системы и нормы в деловом языке старорусского периода представляется перспективным описать особенности приказного письма и выявить степень его значимости в сложении общенациональных норм русского языка. В таком случае исследование будет протекать в русле кодикологии и одним из своих аспектов иметь вопрос нормализации языка. Кроме того, рассмотрение нормы возможно с позиций вариантности. Также является важным объективное и разностороннее изучение языка документов в силу острых споров о его статусе (литературности, генетических связях с церковно-славянским языком и народно-разговорной речью, сохранении традиций предшествовавшей деловой письменности).

ЛИТЕРАТУРА

1. Котков С.И. Деловая письменность и литературный язык // Русская речь. 1980. № 5. С. 105–113.
2. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М., 2006. 263 с.
3. Глинкина Л.А. К проблеме грамматической нормы в деловой письменности XVIII века // Восточные славяне. Языки. История. Культура. М., 1985. С. 120–126.
4. Семенов Н.Н. Некоторые вопросы изучения вариантности // Вопросы языкознания. 1965. № 1. С. 48–56.
5. Шварцкопф Б.С. Очерки развития теоретических взглядов на норму в советском языкознании // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 369–404.
6. Филлин Ф.П. О языковой норме // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976. С. 6–16.
7. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. М., 1978. 238 с.
8. Кортова Т.В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка. М., 1998. 110 с.
9. Ремнёва М.Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв.: Учеб. пособие по курсу «История русского литературного языка». М., 2003. 336 с.
10. Борисова Е.Н. К вопросу о региональной деловой письменности XVII–XVIII вв. как источнике изучения истории лексики русского литературного языка // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987. С. 37–46.
11. Радич Л.М. Материалы Енисейской приказной избы // Русское народное слово в историческом аспекте: Сб. науч. тр. Красноярск, 1984. С. 79–86.
12. Таможенные книги города Томска 1624–1625 гг. // Фонд ОРКиР НБ ТГУ, В. № 764.
13. Книга Кузнецкого города 1698–1699 гг. // РГАДА. Ф. № 214. Кн. 1125.
14. Инютина Т.С. Явление варьирования в деловом языке XVII века и аспекты его изучения (на материале сибирской письменности) // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации «Русский язык: системный и функциональный аспект». 2006. № 111. С. 44–49.
15. Инютина Т.С. О перспективах расширения источниковедческой базы для историко-вариантологических исследований // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Томск, в печати.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 февраля 2008 г.